

Коха совершенно справедливо отмѣчает диктаторскія полномочія центрального органа рабочих союзов в Москвѣ (ЦСПС), дѣйствующаго по директивам партій, и указывает на невозможность для рядового рабочего выйти из под матеріальной и духовной опеки совѣтской рабочей бюрократіи. Из сознанія безпомощности рождается индифферентизм и абсентеизм в рабочей средѣ; появляются пресловутая «текучесть рабочих» и искусственныя мѣры свыше в видѣ ударничества и социалистическаго соревнованія. Автор однако не удовлетворяется простой критикой совѣтской организациі труда, но старается «понять и осмыслить особенности большевickaго хозяйственнаго строя. В этом мы склонны видѣть его безспорную заслугу.

Что-же представляют собой профессиональные союзы Совѣтской Россіи? Являясь не профессиональным, а вѣрнѣе «промышленным» объединеніем трудящихся, т.-е. объединеніем не по принадлежности к какой-либо профессіи, но по признаку соответственной отрасли промышленности, совѣтскіе рабочіе союзы служат проводником большевickaго идеологій в рабочую среду, выполняют директивы партій в области оплаты труда, контролируют дѣятельность хозорганов, снабжают совѣтскую бюрократію связанными силами, навязывают рабочим государственныя займы, финансируют красную армію и качество вспомогательнаго фиска и проч. Мы называем лишь нѣсколько важнѣйших функций

рабочих объединеній в Совѣтской Россіи, но и этого пожалуй уже достаточно, чтобы уяснить себѣ их многостороннюю и партійно окрашенную дѣятельность.

К сожалѣнію недостаток мѣста не дает нам возможности остановиться на всем комплексѣ затронутых автором вопросов. В заключеніе слѣдует сказать, что интересный труд Коха нѣсколько проигрывает от недостаточнаго вниманія автора к политизациі рынка труда в СССР с конца 1930 года, когда впервые в широком размѣрѣ стали примѣняться принудительный труд и фактическое прикрѣпленіе рабочаго к станку. Со всѣм тѣм содержательная книга Коха является безусловно полезной для каждаго интересующагося совѣтским хозяйством и рабочим движеніем в Россіи.

Б. С. Икболадчи.

П. Н. САВИЦКІЙ. Историческіе русскія промышленности.
Берлин, 1932.

Это — 1-ый выпуск труда, общее заглавіе котораго — Вопросы индустриализациі. В 1-ой части книги заключается сводка данных о природных богатствах Россіи. Из этой сводки выясняется, что для промышленнаго развитія Россіи наибольшее значеніе имѣют ея южныя, а в особенности восточныя области.

Вторая часть — перепечатка двух статей автора 1916 года — полемика с покойным Туган-Барановским. По поводу этой книги слѣдует повторить то, о чем уже

рять: о плотворности евразійской не раз приходилось мнѣ говорить идеологамъ для науки. Какъ бы ни оцѣнивать евразійство, какъ особую философію исторіи и какъ политическую программу — а когда говорятъ объ евразійствѣ, обычно именно это и только это имѣютъ ввиду, — нельзя не признать наличности одной, безусловно-положительной стороны в этомъ движеніи: евразійство одно изъ самыхъ яркихъ проявленій все сильнѣе сказывающейся в настоящее время тенденціи къ тому, чтобы отрѣшиться отъ научнической рутинѣ, фетишизма, гипостазированій условныхъ категорій и школьныхъ опредѣленій, тенденціи къ реалистическому пониманію исторіи, — а это равносильно пониманію историческихъ объектовъ какъ процессовъ, какъ вѣчно становящихся и вѣчно измѣняющихся величинъ, что влечетъ за собою, естественно, и пониманіе измѣнчивости отношеній между этими величинами. Могутъ сказать: да кто же изъ занимающихся наукой этого не знаетъ? Евразійцы ломаются в открытую дверь. На самомъ дѣлѣ это далеко не такъ — и какъ разъ ученые всего чаще оказываются в плѣну у вербальныхъ формулъ. В этомъ легко убѣдиться, прочитавши хотя бы статьи, в которыхъ Савицкій полемизируетъ съ Туган-Барановскимъ, утверждающимъ, что Россія не можетъ рассчитывать на природныя богатства своихъ окраинъ, ибо эти окраины лежатъ слишкомъ далеко отъ центра (слово «центр» имѣло для него магическое значеніе: для него было очевидно без дальнихъ

слов, во-первыхъ, что «центр» данной народно-хозяйственной величины есть неподвижная точка, а во-вторыхъ, что промышленность не можетъ развиваться нигдѣ какъ только в этомъ «центрѣ»). Поработченность школьными терминами и является, чаще всего, источникомъ недоразумѣній у противниковъ евразійства, поскольку ихъ полемика направляется не только противъ евразійской идеологіи, но и противъ научныхъ положеній, выдвигаемыхъ евразійцами. Цѣнность многочисленныхъ изслѣдованій Савицкаго уже в томъ, что они подтверждаютъ гениальную мысль Менделѣева о смѣщеніи в направленіи къ Востоку русскаго «центра» и облегчаютъ для тѣхъ, кто ознакомится с ними, умственное усиліе, необходимое для ея усвоенія. Различіе между учеными гила Л. Савицкаго и Февра отъ тѣхъ, противъ которыхъ направляется ихъ полемика, в томъ, что первые исходятъ изъ учета тенденцій, а вторые — изъ учета наличнаго положенія вещей, мыслящагося какъ постоянное и «нормальное». Только первый подходъ къ проблемамъ исторической жизни и является дѣйствительно научнымъ. Этому различію соответствуетъ и другое: изслѣдователь второго типа склоненъ, быть можетъ безсознательно, мыслить историческій процессъ завершеннымъ — и притомъ в формѣ полнаго торжества «нормальнаго» положенія вещей. Изслѣдователю перваго типа легче уберечься отъ соблазновъ финализма и вѣры в историческое предопредѣленіе. Примеръ Савицкаго в этомъ отношеніи какъ разъ показателен. В сво-

их предыдущих работах он выступая защитником идеи какой-то преопределенности Евразии-России к «хозяйственной самостоятельности», склонен был видеть в этом чуть-ли не «миссию» России. Теперь мысль его стала осторожнѣе и трезвѣе. Продолжая настаивать на том, что хозяйство России — и в этом состоит ее специфическая черта — есть хозяйство материковое, для котораго характерно тяготѣніе к автаркии, он, однако, признает, что «автаркия означает возможность завершить в предѣлах очерченной сферы основные процессы обмена продуктов сельско-хозяйственных на промышленные и наоборот; но вовсе не непременно подразумевает дѣйствительное их завершенье» (стр. 153). Все же сам автор клонится к тому, чтобы считать, что послѣ великой войны тенденція к реализаціи «мирового хозяйства» пошла на убыль, будучи перевѣшена другою — к «территориальному» или «національному» хозяйству; но так как хозяйство этого типа является и экономически устарѣлым и просто неосуществимым в нынѣшних политических рамках, то единственный выход — «в установленіи системы материковых хозяйств», ибо они — «способны к автаркии». Именно Россия — «материк-океан» — способна полнѣе всего осуществить этот тип хозяйства.

Воззрѣнія Савицкаго, несомнѣнно пролагающаго новые пути в науку о России, настолько часто были предметом не объективнаго разбора, а издѣвательств, подчас

прямо-таки клеветническаго свойства, что мнѣ кажется уместным устранить одно возраженіе, которое его послѣдняя книга, а также и данная здѣсь оцѣнка ее, навѣрно встрѣтят. То, что автор говорит об «автаркии России-СССР», может быть — и будет — понято как своего рода апологія большевицкой экономической политики и связанной с нею дипломатіи. Поэтому надо еще раз подчеркнуть, что говоря о России-Евразии, России-материкѣ, автор особенно налегает на значеніе, для России, ее дальневосточных окраин — и в этом уже заключена оцѣнка как большевицкой политики пассивности по отношенію к японской экспансии, так и тактики иных зарубежных патріотов, эту экспансію привѣтствующих.

П. М.

М. В. ВИШНЯК. Всероссійское Учредительное Собраніе Изд. «Современныя Записки». Париж, 1932.

Бываютъ рѣдкія минуты в судьбахъ народа, когда он стоит на перекресткѣ путей, и рѣшеніем его опредѣляется цѣлая историческая эпоха. Для участников пережитое остается волнующим и вѣчно живым, сколько бы ни миновало долгих лѣт.

М. В. Вишняк, бывшій секретарь Учредительнаго Собранія, дает в своей содержательной книгѣ яркій очерк всей эпопеи Учредительнаго Собранія от подготовки созыва его — до эмиграціи.

Русская революція не могла быть побѣждена силами, стре-